

ГАЛИНА ЗИМНЯЯ

ДОМ,
КОТОРОГО НЕТ

Галина Зимняя

Дом, которого нет

<https://litres.ru/73496347>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный октябрьский день перечеркнул всё, во что Анна верила восемь лет. Вернувшись с дачи пораньше, чтобы сделать сюрприз мужу, она застаёт его в душе с незнакомкой. Красные туфли у порога, запах чужих духов и равнодушное: Я думал, ты завтра вернешься вот всё, что осталось от её семьи.

Анна уходит. Вместе с семилетним сыном она начинает жизнь с нуля: снимает квартиру, ищет работу, учится быть сильной. Проходит пять лет. Максим подрастает. Но идиллия рушится в одночасье: у сына обнаруживают опухоль позвоночника. Операция в Германии стоит сотни тысяч евро денег, которых у Анны нет.

Единственный, кто может помочь, Артём. Тот самый, который променял их на карьеру, свободу и женщину с родинкой в форме капли. Анне приходится переступить через гордость и войти в его кабинет. Но война уже объявлена. Новая пассия Артёма, Кира, не намерена уступать место бывшей и готова на всё, чтобы сохранить своё положение. В ход идёт всё: шантаж, ложь, связи и тайные покровители.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	37
Глава 3	46
Глава 4	55
Глава 5	65
Глава 6	73
Глава 7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Галина Зимняя

Дом, которого нет

Пролог

Пролог. Седьмое октября 2021

Дача закончилась раньше, чем планировалось. Дождь пошёл мелкий, нудный, тот самый петербургский октябрьский дождь, что проникает под кожу и в душу одновременно. Анна собрала вещи за двадцать минут. Максим, семилетний, но уже слишком взрослый для своего возраста, помог без лишних вопросов — сложил книжки, запихнул плюшевого медведя в рюкзак. Медведь был синий, с заплаткой на ухе. Папа подарил на третье рождение. Заплатку пришила мама — своими руками, белыми нитками, аккуратно.

— Мы едем к папе? — спросил он, застёгивая молнию.

— Да, — сказала Анна. — Сделаем ему сюрприз.

Она улыбнулась. Не широко. Но глаза — серо-зелёные, с золотинками — потеплели. Восемь лет брака, и она всё ещё верила в сюрпризы. В то, что он однажды обернётся и увидит её. Настоящую. Не ту, которую привык не замечать.

По дороге в город она заехала в «Север» на Московском. Купила коробку слоёных пирожных с вишней и кремом. Любимые Артёма. Попросила перевязать серебряной лентой.

Коробку положила на заднее сиденье, рядом с медведем. Хотела, чтобы он почувствовал: дом — это не квартира в новом районе на намывных. Дом — это она. И Максим. И пирожные по воскресеньям.

Он обрадуется, — думала она. — Он устал, наверное. Вечно эти переговоры. Я сварю ему кофе. Он любит, когда я варю кофе.

Въехали в город ближе к трём часам. Туман стелился над Невой, фонари уже горели — жёлтые пятна в серой мгле. Анна свернула на намывные территории, к ЖК «Bashni Element». Башня TITAN вздымалась над заливом — девятнадцать этажей стекла и бетона.

Оставила машину на гостевой парковке. Максим нёс коробку с пирожными, она — сумку с вещами. Лифт бесшумно поднял их на девятнадцатый этаж. Ключ повернулся в замке легко, без скрипа. Дверь открылась.

Тишина.

Не та тишина, что бывает в пустой квартире. Та, что бывает, когда кто-то есть — но затаился. Когда дышат реже, чтобы не слышали.

— Папа? — позвал Максим.

Никто не ответил.

Анна прошла в гостиную. Пусто. На столе — чашка с остывшим кофе. Рядом — телефон Артёма. Она нахмурилась. Он никогда не оставляет телефон. Даже в туалет берёт. Однажды признался: «Боюсь пропустить сделку».

— Артём? — позвала она.

И тогда услышала.

Звук воды. Тихий, ритмичный. Душ.

Она улыбнулась. Принимает душ. Не слышал, как мы приехали.

Подошла к двери ванной. Стеклянная — матовая, с узором в виде волн. За стеклом — силуэты. Два.

Она замерла.

Сердце сделало один тяжёлый удар. Потом — второй. Медленнее.

Нет, — подумала она. — Это зеркало. Это игра света. Это...

Рука потянулась к ручке. Не дрогнула. Не сжалась. Просто потянулась — как будто тело знало то, чего ещё не понимал разум.

Дверь открылась без скрипа.

Пар обволок лицо. Горячий, влажный. И сквозь него — запах. Не её, не тот лёгкий цветочный парфюм, который Анна любила. Чужой. Тяжёлый. Сладкий, с древесными нотами — такой запах носят женщины, которые знают себе цену. Этот запах навсегда врезался в память Анны.

И тогда она увидела.

Артём стоял под струёй воды, спиной к двери. Голова запрокинута, глаза закрыты. И перед ним — женщина.

Голая.

Платиновые волосы прилипли к щекам. Тонкое тело, по-

что хрупкое. И на шее, слева — родинка. В форме капли.

Капля яда, — подумала Анна. — Капля, которая упадёт и растворит всё.

Женщина обернулась. Увидела Анну. Не испугалась. Не закричала. Улыбнулась — легко, почти ласково. Как кошка, которую застали за кражей сметаны. Ни капли стыда. Ни капли смущения.

— Ой, — сказала она. — А вы, наверное, Анна?

«Вы, наверное, Анна».

Не «здравствуйте». Не «извините». Не «это не то, что вы думаете». Просто — констатация. Как будут они встретились на светском рауте, а не в душевой её собственной квартиры.

Артём открыл глаза. Обернулся.

Их взгляды встретились в пару.

Он не сказал «прости». Не сказал «это не то, что ты думаешь». Не бросился к ней с полотенцем, с объятиями, с отчаянием.

Он сказал:

— Я думал, ты завтра вернёшься.

Голос — ровный. Без паники. Как будто она застала его не с незнакомой голой женщиной в их душе, а за просмотром футбола. Как будто она была виновата в том, что приехала не вовремя.

Анна молчала.

В голове не было мыслей. Не было боли. Была пустота — чёрная, бездонная. Как будто кто-то вынул из неё всё: па-

мать, чувства, будущее. Оставив только тело — и эту дверь, распахнутую в чужую жизнь.

Она смотрела на них. На его расслабленные плечи. На её тонкие пальцы, лежащие на его плече — собственнически, интимно. На капли воды, стекающие по её груди. На его молчание.

Восемь лет, — подумала она. — Восемь лет я варила ему кофе. Гладила рубашки. Рожала в муках его сына. А он даже не удосужился запереть дверь.

Она сделала шаг назад. Потом ещё один. Её взгляд упал на пол.

У входа в ванную, прямо у порога, стояли туфли.

Красные. Лаковые. Шпилька — десять сантиметров. Туфли женщины, которая не собиралась убежать. Которая пришла как хозяйка.

Я никогда не носила красное, — подумала Анна. — Он говорил, мне не идёт.

— Мам, — раздалось сзади. Тонкий, дрожащий голос. — Чьи это туфли?

Анна медленно обернулась. Максим стоял в дверях ванной, сжимая в руках коробку с пирожными. Его лицо было белым.

Она взяла коробку из его рук. Взяла медведя. Взяла сумку. — Пойдём, — сказала она.

Голос — ледяной, мёртвый. Тот, который она слышала в себе впервые. И поняла: он останется с ней навсегда.

— А пирожные? — спросил Максим. Шёпотом. Почти неслышно.

— Мы съедем их в машине.

Она не обернулась. Не посмотрела на дверь ванной, за которой, она знала, он всё ещё стоял под водой. Смотрел ли он ей вслед? Стыдно ли ему было? Хотел ли он её остановить?

Не важно.

Важно было только одно: маленькая ладонь в её руке, тёплая, живая. И медведь с заплаткой на ухе.

Такси приехало через пять минут. Анна назвала адрес Юли. Максим сидел сзади, прижимая к груди медведя и коробку с пирожными. Он не плакал. Он смотрел в окно на мокрые улицы, на людей под зонтами, на вечерний город, который вдруг стал чужим.

— Мам, — спросил он. — Папа придёт завтра?

Анна обернулась. Посмотрела на сына. В его глазах — надежда. В её — пустота.

— Нет, — сказала она. — Не придёт.

Она взяла его руку. Сжала.

— Но мы справимся.

Он кивнул. Поверил.

За окном плыл Петербург. Огни, туман, Нева. Где-то там, в башне ТИТАН на девятнадцатом этаже, остался мужчина, который не захотел её остановить.

Анна смотрела вперёд.

Пирожные на заднем сиденье остывали.

Я никогда больше не куплю пирожные с вишней, — подумала она. — Никогда.

И это была не боль. Это была констатация факта.

Глава 1

Утро, которое мы создаем

Конец сентября 2026 года. Пять лет спустя.

Свет врывается в кухню под углом, под которым он бывает только в Петербурге в октябре — косой, разбавленный туманом, но упрямый. Он ложился на столешницу из потёртого дуба, подсвечивал крошки на скатерти в мелкий цветочек и превращал пар от кофейника в золотистую дымку.

Анна стояла у плиты, переворачивая сырники на старой чугунной сковороде. Запах творога, масла и корицы смешивался с ароматом крепкого кофе с бергамотом и лёгким — почти детским — запахом гуаши: Максим вчера рисовал комиксы за кухонным столом, оставив баночку с высохшей краской рядом с тарелками.

— ...и тогда Сидоров поднимает руку и говорит: «Марья Ивановна, а если я не верю в гравитацию?» — Максим сидел за столом, запихивая в рюкзак тетради с размаху. — А она ему: «Тогда, Сидоров, прыгай с подоконника. Посмотрим, поверит ли в тебя гравитация». Весь класс ржёт, а он реально полез!

Анна улыбнулась. Не губами — губы были заняты кофейной чашкой — а глазами. Серо-зелёными, тёплыми в этот момент, без той ледяной брони, которая опускалась, когда мир требовал от неё быть непробиваемой.

«Я прыгала... когда-то», — глухо отозвалось в душе. — «Оттолкнулась от подоконника, от свободы, и полетела вниз — в брак, в его руки с надеждой, что он меня поймает».

Тринадцать лет назад — в зале регистрации, среди цветов и улыбок, мы скрепляли союз подписями. Дрожащие пальцы на свидетельстве о браке. Оно должно было быть страховкой, но оказалось просто бумагой. Его взгляд тогда — тёплый, уверенный, обещающий. «Прыгай, — говорил он. — Я здесь».

И я прыгнула. Без страха. С верой.

А он... он просто отошёл в сторону. Медленно, незаметно. Сначала обнимал — но не так, как раньше. Потом перестал смотреть. Потом — замечать. А потом привёл другую. И, когда я застыла в дверях ванной, бросил буднично, равнодушно: «Я думал, ты завтра вернёшься». Будто я — призрак, который должен исчезнуть по расписанию.

Мысль скользнула и ушла. Она провела ладонью по волосам Максима — тёмным, вихрастым, отцовским — и потянулась за учебником истории.

— История у тебя под моими эскизами, — сказала она, отодвигая стопку бумаг. Под ними лежал альбомный лист с наброском интерьера: светлые стены, книжные полки до потолка, кресло-мешок в углу. Рядом — учебник с заложённой закладкой-динозавром.

— Опять? — Максим скривился. — Мам, ты же знаешь, я его туда не кидал.

— Я знаю. Но эскизы — они как дети. Любят прятать важное.

Она протянула ему тарелку с сырниками. Он взял один, обжёгся, дунул — и вдруг замер.

— Мам, а папа тоже так шутил?

Пауза. Не длинная, но плотная — как пауза между ударами сердца, когда оно пропускает такт. Анна не обернулась к плите. Просто налила ему молоко в стакан с синим космонавтом.

— По-другому, — ответила она спокойно. — Он больше любил точные формулировки.

«Я думал, ты завтра вернёшься». — пять слов. Восемь лет брака. Ноль сантиметров попытки меня остановить.

Точные формулировки. Да, это про него.

— Молоко допил?

Максим кивнул. Взял рюкзак. Его взгляд скользнул по холодильнику — по магнитам с высохшими цветами, по записке «Хлеб!!!» его почерком, по детскому рисунку, приколотому в центре. «Моя семья», выведено синим фломастером. Огромная Анна с длинными волосами, он сам — чуть поменьше, с улыбкой до ушей, и в углу, у самого края листа, маленькая фигурка мужчины. Без лица. Без имени.

Просто буква «П». Аккуратная, будто написанная с усилием.

Пропажа. Падение. Побег.

Папа, который исчез из кадра.

Папа, который разбил её веру в любовь.

Папа, который сбежал — от них, от себя, от ответственности.

И которого он всё ещё ждёт.

Даже зная, что тот не придёт ни завтра. Ни послезавтра.

Никогда.

Анна тоже посмотрела на рисунок. Не впервые. Каждое утро. И каждый раз — одно и то же: не боль, не злость. Просто факт.

Как трещина в старом паркете — не мешает жить, но напоминает, что дом пережил землетрясение.

Только землетрясение случилось не здесь. Эпицентр был там, в башне ТИТАН на девятнадцатом этаже, в душевой кабине с матовым стеклом. А волны дошли и сюда — через пять лет, через три района, через стены, которые я выстрадала.

Здесь, в этой квартире на улице Профессора Попова, дом 12, нет трещин. Я сама выбирала паркет, сама укладывала, сама покрывала лаком. Но осадочная дрожь — она осталась. Внутри. В букве «П» на холодильнике. В вопросах сына. В моём молчании.

И никаким золотом эту дрожь уже не погасить.

Для Максима «П» — это папа, которого он не перестал любить.

Для меня «П» — словно шрам на памяти: не стереть, не вырезать, как неудачный набросок. Это ошибка, что живёт

внутри, приговор без апелляции: ты выбрала не того, поверила не в ту любовь.

Для нас обоих — это надежда. Тонкая нить, которую никто из нас не решается оборвать.

Ведь без неё останутся лишь трещины — глубокие, заметные.

А трещины... Они учат выживать, но не показывают путь к счастью.

Квартира на Профессора Попова, 12, была её манифестом после развода. Старый фонд 1903 года: высокие потолки с лепниной, окна в пол, стены, которые помнили ещё царскую Россию. Пятьдесят восемь метров, выстраданных и выкупленных собственными руками.

Ни одного рубля от него, — подумала она. — Ни копейки. Я мыла подъезды, рисовала портреты за еду, брала заказы, от которых у дипломированных дизайнеров шла носом кровь. Но это — моё. Всё моё.

Я сама себе страховая сетка. Сама себе гравитация.

И больше никогда не прыгну в пустоту.

Стена между кухней и гостиной была снесена ещё при покупке — единое пространство для дыхания. На стене над её рабочим столом — гипсовая рука, слепок собственной, сделанный на курсах скульптуры в тридцать пять: символ того, что она сама создаёт свою жизнь.

Пять лет назад я не умела лепить даже пельмени. Теперь умею всё.

В том числе — держать себя, когда хочется упасть.

В спальне — только одна вещь на прикроватной тумбочке: фарфоровая чашка с трещиной, склеенная золотом по технике кинцуги.

Эту чашку я купила сама. На свои первые заработанные деньги. Целую, без сколов. И расколола специально — чтобы был повод склеить.

Чтобы доказать себе: я могу починить даже то, что разбил собственными руками.

Она не пила из неё. Просто смотрела перед сном.

Звонок в дверь прозвучал мягко — не настойчиво, как у Юли, и не тревожно, как у матери. Анна открыла.

Дмитрий стоял на пороге в тёмно-сером шерстяном пальто, с термосом в одной руке и папкой под мышкой. Сняв пальто в прихожей, он остался в простом кашемировом свитере цвета топлёного молока и джинсах без логотипов. Сорок лет, седина у висков, спокойные карие глаза, в которых не было ни требований, ни ожиданий — только присутствие.

Он никогда не спрашивает «можно». Он просто приходит. И уходит. И ждёт.

Ждёт, когда я перестану бояться высоты.

Ждёт, когда снова научусь прыгать — на этот раз в правильные руки.

— Привёз кофе с бергамотом, — сказал он, протягивая термос. — И документы по «Водному» — клиент прислал новые пожелания по зонированию.

Максим уже тянул рюкзак на плечи, но Дмитрий опередил его — взял сумку, проверил, закрыта ли молния, и подал мальчику.

— Сегодня физра? — спросил он.

— Да. Футбол.

— Тогда бутылку с водой не забудь. Она в боковом кармане.

Максим кивнул. Улыбнулся — редко, но светло.

Ему двенадцать. Он помнит, как мы ушли от отца. Помнит туфли — красные, на высоком каблуке, чужие. Помнит, как я взяла его за руку и сказала: «Идём, мы больше сюда не вернёмся». И он пошёл. Без вопросов. Потому что верил.

Верит до сих пор.

Значит, я всё делаю правильно.

Значит, гравитация в этой семье работает иначе.

— До гимназии дойдёшь сам? — спросил Дмитрий.

— Семь минут. Как всегда.

— Хорошо. Если дождь — звони. Подвезу.

Анна наблюдала за ними из кухни. Дмитрий не пытался заменить отца. Он просто был — надёжный, тёплый, без давления. Для Максима он был «дядей Димой». Для неё — тихой гаванью в бурном море.

Тихая гавань, — подумала она. — Но в гавани не строят корабли. Только ремонтируют старые.

А мне уже нечего ремонтировать. Я хочу строить заново. Но боюсь снова ошибиться чертежом.

Когда дверь за сыном закрылась, в квартире стало тише. Не пусто — уютно. Анна налила кофе в две чашки, поставила на стол горький шоколад — его слабость, её утешение.

— Ресторан на набережной Мойки, — начал Дмитрий, раскладывая чертежи на дубовом столе. — Владелец хочет «пространство для разговоров». Не для шума, не для селфи. Для тишины между словами.

Анна наклонилась над планом. Её пальцы — тонкие, с коротко стриженными ногтями — коснулись линий. Она что-то сказала про акустику потолка, про текстиль, гасящий звук.

Дмитрий слушал. И смотрел. Не на план — на неё. На изгиб шеи, на прядь волос, выбившуюся из небрежного узла, на концентрацию в глазах — ту самую, что делала её Анной Смирновой, а не бывшей женой Громова.

Он смотрит так, как смотрят на восход. Без жадности, без права собственности. Просто — ценят красоту, которая существует независимо от них.

Артём смотрел иначе. Как на актив. Как на статью расходов в семейном бюджете.

— В три часа в «Формате» — презентация для клиента. Ты готова?

— Готова, — ответила она.

Готова ко всему, кроме одного. Но об этом мы не говорим.

Не говорим о том, что каждое утро я просыпаюсь с мыслью: «А вдруг сегодня он позвонит?»

Не говорим о том, что каждую ночь я засыпаю с мыслью:

«Хорошо, что не позвонил».

Он кивнул. Встал. Уходя, поправил на вешалке её пальто — не потому что имел право, а потому что видел: оно сползало.

— Дима, — окликнула она.

Он обернулся.

— Спасибо. За кофе. За... всё.

Он улыбнулся. Не широко. Уголками губ.

— Всегда.

Он никогда не говорит «пожалуйста». Потому что «пожалуйста» — это про одолжение. А он делает то, что должно. Как дышит. Как ждёт рассвет.

Интересно, сколько можно ждать, пока кто-то научится прыгать заново?

И не устанет ли он ждать раньше, чем я решусь?

Дверь закрылась. Анна осталась одна.

Среди запаха кофе, сырников и краски.

Среди эскизов, чертежей, планов.

Среди трещин, склеенных золотом.

Она подошла к холодильнику. Посмотрела на рисунок Максима.

Маленькая фигурка в углу. Буква «П».

Годы идут, а он всё ещё рисует тебя.

Потому что ты его отец.

И потому что я до сих пор не знаю, как сказать ему правду.

Какую именно из них.

Ты не пришёл не потому, что забыл дорогу к нашему новому дому. Ты вообще никогда не считал домом ту квартиру — в башне TITAN на девятнадцатом этаже, с видом на залив. Для тебя это была просто территория. Место, где можно было ночевать между переговорами.

А я пыталась сделать из неё гнездо. Варила кофе, гладила рубашки, родила сына.

Ты выбрал другую женщину не потому, что она лучше. Она просто отстранялась — без упреков, без требований, — оставляя тебя одного разбираться с ситуацией. И ты с облегчением последовал её примеру — отстранился, оставив всё позади.

Ты думал, у тебя есть время на раздумья, на выбор. А у меня — нет. Я должна была уйти сразу.

Солнечный луч сместился. Теперь он падал прямо на рисунок. На огромную Анну. На маленького Максима. На крошечную фигурку, у которой не было лица.

Анна смотрела на букву «П».

Пропажа. Падение. Побег.

Призрак.

Привычка.

Она закрыла глаза.

Интересно, ты просыпаешься по утрам и думаешь о нас?

Или ты забыл, как пахнут сырники с корицей?

Или тебе просто всё равно?

Как тогда, в душевой кабине, когда ты смотрел на меня

сквозь пар и сказал вслух: «Я думал, ты завтра вернёшься».

Ты думал, у тебя есть время. А у меня — нет.

У меня никогда не было времени ждать, пока ты меня заметишь.

Поэтому я ушла.

И теперь каждое утро доказываю себе: я сделала правильно.

Но почему тогда эта буква «П» до сих пор висит на холодильнике?

Почему я её не снимаю?

Почему Максим не закрашивает её синим фломастером?

Почему мы оба делаем вид, что это просто рисунок?

А не карта местности, где отмечено место крушения?

Крушение случилось не здесь. Оно случилось там — в башне ТИТАН на девятнадцатом этаже, в душевой кабине с матовым стеклом. Но я забрала с собой только сына и медведя. Пирожные мы съели по дороге к Юли. Сладкая ложь не должна была остаться со мной.

Но обломки разлетелись на тысячи километров.

И один из них застрял здесь — в этой кухне, на этом холодильнике, под магнитом в виде Венеры Милосской.

Я могла бы его выкинуть. Сорвать. Сжечь.

Но тогда пришлось бы признать: я всё ещё жду.

Жду, что буква «П» однажды превратится в лицо.

Жду, что он войдёт в эту дверь и скажет: «Я пришёл».

Жду, что гравитация снова заработает — и он поймает

меня на лету.

Хотя сама же выбрала другую силу тяжести.

Выбрала — и боюсь включить.

Она открыла глаза. Допила остывший кофе. Убрала эскизы в папку.

Взяла телефон. Новое сообщение от Юли:

«Смотрела сегодня журнал. Твой фараон опять на обложке. С какой-то блондинкой. Надеюсь, подавится своей империей».

Анна не ответила. Удалила сообщение.

Фараон, — подумала она. — А я была его женой — царицей, запертой в золотой клетке

Пока не ушла.

Пока не упала.

Пока не собрала себя заново.

Той жизни больше нет. И никогда не будет.

Она осталась там, в прошлом, в башне ТИТАН на девятнадцатом этаже, с красными туфлями у порога.

Здесь — моя жизнь. Мой дом, а не клетка.

Я сама его построила.

Она посмотрела на гипсовую руку на стене.

Я создаю себя сама.

Каждое утро — как вызов.

И никто, слышишь, Артём? — никто

больше не посмеет произнести эти слова:

«Я думал, ты завтра вернёшься».

Довольно.

Моё «завтра» больше не в твоей власти.

Оно — моё.

Полностью.

Окончательно.

Она села за стол. Открыла ноутбук. На экране — проект ресторана на Мойке.

Пространство для разговоров.

Для тишины между словами.

Интересно, сколько ещё слов мы не сказали друг другу?

И сколько из них уже никогда не будут сказаны?

И сколько — всё-таки будут?

Она начала рисовать.

Линии ложились ровно. Тени — мягко. Свет — там, где нужно.

Всё под контролем.

Как всегда.

Как последние пять лет.

Как всю оставшуюся жизнь.

Наверное.

Свет врывался в кухню под углом, под которым он бывает только в Петербурге в октябре — косой, разбавленный туманом, но упрямый. Он ложился на столешницу из потёртого дуба, подсвечивал крошки на скатерти в мелкий цветочек и превращал пар от кофейника в золотистую дымку.

Анна стояла у плиты, переворачивая сырники на старой

чугунной сковороде. Запах творога, масла и корицы смешивался с ароматом крепкого кофе с бергамотом и лёгким — почти детским — запахом гуаши: Максим вчера рисовал комиксы за кухонным столом, оставив баночку с высохшей краской рядом с тарелками.

— ...и тогда Сидоров поднимает руку и говорит: «Марья Ивановна, а если я не верю в гравитацию?» — Максим сидел за столом, запихивая в рюкзак тетради с размаху. — А она ему: «Тогда, Сидоров, прыгай с подоконника. Посмотрим, поверит ли в тебя гравитация». Весь класс ржёт, а он реально полез!

Анна улыбнулась. Не губами — губы были заняты кофейной чашкой — а глазами. Серо-зелёными, тёплыми в этот момент, без той ледяной брони, которая опускалась, когда мир требовал от неё быть непробиваемой.

«Я прыгала... когда-то», — глухо отозвалось в душе. — «Оттолкнулась от подоконника, от свободы, и полетела вниз — в брак, в его руки с надеждой, что он меня поймает».

Тринадцать лет назад — в зале регистрации, среди цветов и улыбок, мы скрепляли союз подписями. Дрожащие пальцы на свидетельстве о браке. Оно должно было быть страховкой, но оказалось просто бумагой. Его взгляд тогда — тёплый, уверенный, обещающий. «Прыгай, — говорил он. — Я здесь».

И я прыгнула. Без страха. С верой.

А он... он просто отошёл в сторону. Медленно, незамет-

но. Сначала обнимал — но не так, как раньше. Потом перестал смотреть. Потом — замечать. А потом привёл другую. И, когда я застыла в дверях ванной, бросил буднично, равнодушно: «Я думал, ты завтра вернёшься». Будто я — призрак, который должен исчезнуть по расписанию.

Мысль скользнула и ушла. Она провела ладонью по волосам Максима — тёмным, вихрастым, отцовским — и потянулась за учебником истории.

— История у тебя под моими эскизами, — сказала она, отодвигая стопку бумаг. Под ними лежал альбомный лист с наброском интерьера: светлые стены, книжные полки до потолка, кресло-мешок в углу. Рядом — учебник с заложённой закладкой-динозавром.

— Опять? — Максим скривился. — Мам, ты же знаешь, я его туда не кидал.

— Я знаю. Но эскизы — они как дети. Любят прятать важное.

Она протянула ему тарелку с сырниками. Он взял один, обжёгся, дунул — и вдруг замер.

— Мам, а папа тоже так шутил?

Пауза. Не длинная, но плотная — как пауза между ударами сердца, когда оно пропускает такт. Анна не обернулась к плите. Просто налила ему молоко в стакан с синим космонавтом.

— По-другому, — ответила она спокойно. — Он больше любил точные формулировки.

«Я думал, ты завтра вернёшься». — пять слов. Восемь лет брака. Ноль сантиметров попытки меня остановить.

Точные формулировки. Да, это про него.

— Молоко допил?

Максим кивнул. Взял рюкзак. Его взгляд скользнул по холодильнику — по магнитам с высохшими цветами, по записке «Хлеб!!!» его почерком, по детскому рисунку, приколотому в центре. «Моя семья», выведено синим фломастером. Огромная Анна с длинными волосами, он сам — чуть поменьше, с улыбкой до ушей, и в углу, у самого края листа, маленькая фигурка мужчины. Без лица. Без имени.

Просто буква «П». Аккуратная, будто написанная с усилием.

Пропажа. Падение. Побег.

Папа, который исчез из кадра.

Папа, который разбил её веру в любовь.

Папа, который сбежал — от них, от себя, от ответственности.

И которого он всё ещё ждёт.

Даже зная, что тот не придёт ни завтра. Ни послезавтра.

Никогда.

Анна тоже посмотрела на рисунок. Не впервые. Каждое утро. И каждый раз — одно и то же: не боль, не злость. Просто факт.

Как трещина в старом паркете — не мешает жить, но напоминает, что дом пережил землетрясение.

Только землетрясение случилось не здесь. Эпицентр был там, в башне ТИТАН на девятнадцатом этаже, в душевой кабине с матовым стеклом. А волны дошли и сюда — через пять лет, через три района, через стены, которые я выстрадала.

Здесь, в этой квартире на улице Профессора Попова, дом 12, нет трещин. Я сама выбирала паркет, сама укладывала, сама покрывала лаком. Но осадочная дрожь — она осталась. Внутри. В букве «П» на холодильнике. В вопросах сына. В моём молчании.

И никаким золотом эту дрожь уже не погасить.

Для Максима «П» — это папа, которого он не перестал любить.

Для меня «П» — словно шрам на памяти: не стереть, не вырезать, как неудачный набросок. Это ошибка, что живёт внутри, приговор без апелляции: ты выбрала не того, поверила не в ту любовь.

Для нас обоих — это надежда. Тонкая нить, которую никто из нас не решается оборвать.

Ведь без неё останутся лишь трещины — глубокие, заметные.

А трещины... Они учат выживать, но не показывают путь к счастью.

Квартира на Профессора Попова, 12, была её манифестом после развода. Старый фонд 1903 года: высокие потолки с лепниной, окна в пол, стены, которые помнили ещё царскую

Россию. Пятьдесят восемь метров, выстраданных и выкупленных собственными руками.

Ни одного рубля от него, — подумала она. — Ни копейки. Я мыла подъезды, рисовала портреты за еду, брала заказы, от которых у дипломированных дизайнеров шла носом кровь. Но это — моё. Всё моё.

Я сама себе страховая сетка. Сама себе гравитация.

И больше никогда не прыгну в пустоту.

Стена между кухней и гостиной была снесена ещё при покупке — единое пространство для дыхания. На стене над её рабочим столом — гипсовая рука, слепок собственной, сделанный на курсах скульптуры в тридцать пять: символ того, что она сама создаёт свою жизнь.

Пять лет назад я не умела лепить даже пельмени. Теперь умею всё.

В том числе — держать себя, когда хочется упасть.

В спальне — только одна вещь на прикроватной тумбочке: фарфоровая чашка с трещиной, склеенная золотом по технике кинцуги.

Эту чашку я купила сама. На свои первые заработанные деньги. Целую, без сколов. И расколола специально — чтобы был повод склеить.

Чтобы доказать себе: я могу починить даже то, что разбила собственными руками.

Она не пила из неё. Просто смотрела перед сном.

Звонок в дверь прозвучал мягко — не настойчиво, как у

Юли, и не тревожно, как у матери. Анна открыла.

Дмитрий стоял на пороге в тёмно-сером шерстяном пальто, с термосом в одной руке и папкой под мышкой. Сняв пальто в прихожей, он остался в простом кашемировом свитере цвета топлёного молока и джинсах без логотипов. Сорок лет, седина у висков, спокойные карие глаза, в которых не было ни требований, ни ожиданий — только присутствие.

Он никогда не спрашивает «можно». Он просто приходит. И уходит. И ждёт.

Ждёт, когда я перестану бояться высоты.

Ждёт, когда снова научусь прыгать — на этот раз в правильные руки.

— Привёз кофе с бергамотом, — сказал он, протягивая термос. — И документы по «Водному» — клиент прислал новые пожелания по зонированию.

Максим уже тянул рюкзак на плечи, но Дмитрий опередил его — взял сумку, проверил, закрыта ли молния, и подал мальчику.

— Сегодня физра? — спросил он.

— Да. Футбол.

— Тогда бутылку с водой не забудь. Она в боковом кармане.

Максим кивнул. Улыбнулся — редко, но светло.

Ему двенадцать. Он помнит, как мы ушли от отца. Помнит туфли — красные, на высоком каблуке, чужие. Помнит, как я взяла его за руку и сказала: «Идём, мы больше сюда не

вернёмся». И он пошёл. Без вопросов. Потому что верил.

Верит до сих пор.

Значит, я всё делаю правильно.

Значит, гравитация в этой семье работает иначе.

— До гимназии дойдёшь сам? — спросил Дмитрий.

— Семь минут. Как всегда.

— Хорошо. Если дождь — звони. Подвезу.

Анна наблюдала за ними из кухни. Дмитрий не пытался заменить отца. Он просто был — надёжный, тёплый, без давления. Для Максима он был «дядей Димой». Для неё — тихой гаванью в бурном море.

Тихая гавань, — подумала она. — Но в гавани не строят корабли. Только ремонтируют старые.

А мне уже нечего ремонтировать. Я хочу строить заново.

Но боюсь снова ошибиться чертежом.

Когда дверь за сыном закрылась, в квартире стало тише. Не пусто — уютно. Анна налила кофе в две чашки, поставила на стол горький шоколад — его слабость, её утешение.

— Ресторан на набережной Мойки, — начал Дмитрий, раскладывая чертежи на дубовом столе. — Владелец хочет «пространство для разговоров». Не для шума, не для селфи. Для тишины между словами.

Анна наклонилась над планом. Её пальцы — тонкие, с коротко остриженными ногтями — коснулись линий. Она что-то сказала про акустику потолка, про текстиль, гасящий звук.

Дмитрий слушал. И смотрел. Не на план — на неё. На

изгиб шеи, на прядь волос, выбившуюся из небрежного узла, на концентрацию в глазах — ту самую, что делала её Анной Смирновой, а не бывшей женой Громова.

Он смотрит так, как смотрят на восход. Без жадности, без права собственности. Просто — ценят красоту, которая существует независимо от них.

Артём смотрел иначе. Как на актив. Как на статью расходов в семейном бюджете.

— В три часа в «Формате» — презентация для клиента. Ты готова?

— Готова, — ответила она.

Готова ко всему, кроме одного. Но об этом мы не говорим.

Не говорим о том, что каждое утро я просыпаюсь с мыслью: «А вдруг сегодня он позвонит?»

Не говорим о том, что каждую ночь я засыпаю с мыслью: «Хорошо, что не позвонил».

Он кивнул. Встал. Уходя, поправил на вешалке её пальто — не потому что имел право, а потому что видел: оно сползло.

— Дима, — окликнула она.

Он обернулся.

— Спасибо. За кофе. За... всё.

Он улыбнулся. Не широко. Уголками губ.

— Всегда.

Он никогда не говорит «пожалуйста». Потому что «пожалуйста» — это про одолжение. А он делает то, что должно.

Как дышит. Как ждёт рассвет.

Интересно, сколько можно ждать, пока кто-то научится прыгать заново?

И не устанет ли он ждать раньше, чем я решусь?

Дверь закрылась. Анна осталась одна.

Среди запаха кофе, сырников и краски.

Среди эскизов, чертежей, планов.

Среди трещин, склеенных золотом.

Она подошла к холодильнику. Посмотрела на рисунок Максима.

Маленькая фигурка в углу. Буква «П».

Годы идут, а он всё ещё рисует тебя.

Потому что ты его отец.

И потому что я до сих пор не знаю, как сказать ему правду.

Какую именно из них.

Ты не пришёл не потому, что забыл дорогу к нашему новому дому. Ты вообще никогда не считал домом ту квартиру — в башне TITAN на девятнадцатом этаже, с видом на залив. Для тебя это была просто территория. Место, где можно было ночевать между переговорами.

А я пыталась сделать из неё гнездо. Варила кофе, гладила рубашки, родила сына.

Ты выбрал другую женщину не потому, что она лучше. Она просто отстранялась — без упрёков, без требований, — оставляя тебя одного разбираться с ситуацией. И ты с облегчением последовал её примеру — отстранился, оставив всё

позади.

Ты думал, у тебя есть время на раздумья, на выбор. А у меня — нет. Я должна была уйти сразу.

Солнечный луч сместился. Теперь он падал прямо на рисунки. На огромную Анну. На маленького Максима. На крошечную фигурку, у которой не было лица.

Анна смотрела на букву «П».

Пропажа. Падение. Побег.

Призрак.

Привычка.

Она закрыла глаза.

Интересно, ты просыпаешься по утрам и думаешь о нас?

Или ты забыл, как пахнут сырники с корицей?

Или тебе просто всё равно?

Как тогда, в душевой кабине, когда ты смотрел на меня сквозь пар и сказал вслух: «Я думал, ты завтра вернёшься».

Ты думал, у тебя есть время. А у меня — нет.

У меня никогда не было времени ждать, пока ты меня заметишь.

Поэтому я ушла.

И теперь каждое утро доказываю себе: я сделала правильно.

Но почему тогда эта буква «П» до сих пор висит на холодильнике?

Почему я её не снимаю?

Почему Максим не закрашивает её синим фломастером?

Почему мы оба делаем вид, что это просто рисунок?

А не карта местности, где отмечено место крушения?

Крушение случилось не здесь. Оно случилось там — в башне ТИТАН на девятнадцатом этаже, в душевой кабине с матовым стеклом. Но я забрала с собой только сына и медведя. Пирожные мы съели по дороге к Юли. Сладкая ложь не должна была остаться со мной.

Но обломки разлетелись на тысячи километров.

И один из них застрял здесь — в этой кухне, на этом холодильнике, под магнитом в виде Венеры Милосской.

Я могла бы его выкинуть. Сорвать. Сжечь.

Но тогда пришлось бы признать: я всё ещё жду.

Жду, что буква «П» однажды превратится в лицо.

Жду, что он войдёт в эту дверь и скажет: «Я пришёл».

Жду, что гравитация снова заработает — и он поймает меня на лету.

Хотя сама же выбрала другую силу тяжести.

Выбрала — и боюсь включить.

Она открыла глаза. Допила остывший кофе. Убрала эскизы в папку.

Взяла телефон. Новое сообщение от Юли:

«Смотрела сегодня журнал. Твой фараон опять на обложке. С какой-то блондинкой. Надеюсь, подавится своей империей».

Анна не ответила. Удалила сообщение.

Фараон, — подумала она. — А я была его женой — цари-

цей, запертой в золотой клетке

Пока не ушла.

Пока не упала.

Пока не собрала себя заново.

Той жизни больше нет. И никогда не будет.

Она осталась там, в прошлом, в башне ТИТАН на девятнадцатом этаже, с красными туфлями у порога.

Здесь — моя жизнь. Мой дом, а не клетка.

Я сама его построила.

Она посмотрела на гипсовую руку на стене.

Я создаю себя сама.

Каждое утро — как вызов.

И никто, слышишь, Артём? — никто

больше не посмеет произнести эти слова:

«Я думал, ты завтра вернёшься».

Довольно.

Моё «завтра» больше не в твоей власти.

Оно — моё.

Полностью.

Окончательно.

Она села за стол. Открыла ноутбук. На экране — проект ресторана на Мойке.

Пространство для разговоров.

Для тишины между словами.

Интересно, сколько ещё слов мы не сказали друг другу?

И сколько из них уже никогда не будут сказаны?

И сколько — всё-таки будут?

Она начала рисовать.

Линии ложились ровно. Тени — мягко. Свет — там, где нужно.

Всё под контролем.

Как всегда.

Как последние пять лет.

Как всю оставшуюся жизнь.

Наверное.

Глава 2

Пять лет спустя. Девятнадцатый этаж.

Пять утра. Петербургский туман стелился над Финским заливом, цепляясь за стеклянные фасады жилого комплекса «Башни Элемент» на бульваре Головнина — пяти башен, выросших на намывных территориях Васильевского острова в рамках проекта «Морской фасад». Две из них соединены «небесным мостом» на уровне девятого этажа, но башня ТИТАН, где на девятнадцатом этаже уже двадцать минут работала беговая дорожка, стояла особняком — прямо на первой линии залива.

В башне ТИТАН, на девятнадцатом этаже, беговая дорожка работала в режиме «максимум» уже двадцать минут.

Артём бежал.

Не потому что хотел. Потому что так было заведено. Контроль пульса, контроль дыхания, контроль тела. Если контролируешь тело — не развалится голова. Если контролируешь голову — не развалится бизнес. Если контролируешь бизнес — не развалится... что?

Что у меня осталось, чтобы разваливать?

Семь метров потолка над головой не давили — они исчезали в полумраке, терялись где-то там, куда не доставал свет беговой дорожки, и вместе с ними исчезало ощущение дома. Пространство, которое должно было внушать благоговение,

внушало только пустоту.

Он бежал, не отрывая взгляда от гигантского экрана на стене: сводки мировых бирж, курсы валют, новости из Лондона и Нью-Йорка. Цифры сменяли цифры. Зелёный. Красный. Зелёный. Его тело — отточенный механизм в серых компрессионных штанах и майке — двигалось с механической точностью. Лицо — неподвижная маска. Только виски, где серебрились пряди седины, выдавали напряжение.

Пять лет назад у него не было седины. Пять лет назад он просыпался от запаха кофе с бергамотом, а не от сигнала будильника на телефоне.

Он сбросил скорость. Вытер лицо полотенцем. В спальне за матовой стеклянной перегородкой — ни звука. Кира спала. Или делала вид. Он давно перестал различать.

Ей было двадцать пять, когда она пришла в его дом под видом курьера, разделась и встала под душ. Тогда он даже не знал её имени. Сейчас ей тридцать. Пять лет. Целых пять лет она ждала, что он назовёт её женой. Не назвал. И уже не назовёт.

Она тоже это знает. Просто не хочет признавать.

Воздух в пентхаусе пах не домом. Дорогим кондиционером с ионизатором, сандалом из скрытых диффузоров, стерильной чистотой новых денег. Запах, подобранный пиар-агентством для приёма гостей. Здесь никогда не пахло сырниками.

Интересно, она до сих пор жарит их на той чугунной ско-

вороде?

Он отогнал мысль. Схватил чашку эспрессо с мраморного столика. Без сахара. Без молока. Без вкуса.

В семь пятнадцать в столовую вошла Кира.

Безупречная. Платиновые волосы уложены в гладкий пучок — ни одна нить не посмела бы выбиться без разрешения. Белоснежный шёлковый халат с вышитым логотипом — подарок, который он купил в спешке в дьюти-фри, потому что забыл про её день рождения. Она надела его сегодня впервые. Он заметил. А она ждала этого взгляда, сама не зная, хочет ли услышать похвалу или укор.

— Встреча с министром перенесена на пятнадцать тридцать, — сказала она, поправляя салфетку рядом с его тарелкой. Не на коленях. Рядом. Жест, отточенный годами: близость без прикосновения, забота без права. — Досье лежит в папке. Его жена увлекается орхидеями. Букет уже заказан в «Флориде», доставка в десять утра. И не забудь про таблетки от мигрени — положила в левый карман пиджака. Ты вчера забыл.

— Хорошо, — сказал он.

Не «спасибо». Не «как спалось». Не «почему ты помнишь, куда я кладу таблетки, когда я сам об этом забываю».

Потому что это её работа. Её роль. Её клетка.

Она села напротив. Ела медленно, откусывая крошечные кусочки, будто боясь нарушить идеальную геометрию блюда. Авокадо. Яичница-пашот. Хлеб с семенами чиа. Никакого

хаоса. Никакой жизни.

— Фотограф из Forbes спрашивал, можно ли сделать снимок в кабинете. С видом на залив. Говорит, башни — отличный фон для «человека, строящего империю».

Артём кивнул. Не спросил, какой именно ракурс. Как и согласие на фотосессию — всё для образа. На огромной белой стене в гостиной висело полотно два на три метра в холодных сине-серых тонах — мазки, похожие на ледяные трещины. Купил три года назад за восемьдесят пять тысяч евро по совету пиарщика. С тех пор ни разу не посмотрел на неё осознанно.

— Скажи, да, — произнёс он.

Кира улыбнулась. Ледяная улыбка без участия глаз. Улыбка для протокола.

В восемь ноль-пять телефон завибрировал. На экране светилось: Отец.

Артём поднялся, прошёл в кабинет с панорамным окном во всю стену. Сел в кресло из чёрной кожи. Нажал «принять».

— Слышал, «Альфа-строй» отказалась от тендера на набережной, — голос Виктора Петровича был сухим, как треснувшая кора. — Их главбух слил данные налоговикам. Кто-то поработал.

— Не я, — ответил Артём.

— Жаль. Добей, пока слабеют. Не размякай.

Пауза. Тяжёлая, как гранитная плита.

— Как там мальчик?

Мальчик. Не Максим. Не внук. Не ребёнок, которого он держал на руках в роддоме и боялся уронить. Объект учёта.

— Нормально.

— Ты его видишь?

— Нет. — Голос ровный, но в нём впервые проскальзывает что-то похожее на горечь. — Вообще не вижу. Только на фотографиях.

— Хорошо. Не теряй контроль. Ни над бизнесом, ни над семьёй. Особенно над семьёй.

Звонок оборвался. Без прощания. Без «береги себя». Без «сын».

Артём смотрел на погасший экран.

Отец никогда не спрашивал, как он сам. Счастлив ли он. Хочет ли видеть сына — или боится.

Потому что для отца счастье — не метрика. Только контроль.

Он убрал телефон в карман.

Кира вошла без стука. Её привычка — проверять, что происходит в его пространстве. Она приблизилась сзади, положила руки ему на плечи. Лёгкое прикосновение. Тест.

— Всё в порядке? — спросила она.

В её голосе — не тревога. Инвентаризация.

— Всё.

— Я подумала... — она помолчала, будто взвешивая слова. — Может, пригласить его на выходные? Максима. Пока-

жем ему башню. Пусть увидит, как живёт отец.

Он повернулся. Посмотрел на неё впервые за утро — без маски, без фильтра.

— Зачем?

Она замерла. На долю секунды в её глазах мелькнуло что-то живое — паника. Она поправила несуществующую складку на халате. Жест, который он выучил за пять лет: когда Кира нервничает, она разглаживает ткань.

— Просто... чтобы он знал, что у него есть отец.

Отец.

Он смотрел на неё. На её идеальный макияж, идеальную укладку, идеальную улыбку, которая не касалась глаз.

О, ты всё продумала. Привязать Максима ко мне через себя — изящно. Показать ему территорию: стеклянный куб с потолками в семь метров, флаконы, сервизы — всё выложено, как на витрине. «Смотри, Максим, это моё, и я здесь главная». Ты хочешь, чтобы он привык. А потом — когда Анна исчезнет из игры или просто устанет бороться. Твой трофей. Твоё доказательство победы. Как статуэтка на полке.

Я не позволю, — подумал он.

— Я сам решу, когда и как видеть сына, — сказал он.

Она не ответила. Просто вышла. Тихо. Но в её спине читалась не обида — расчёт. Она уже продумывала следующий ход.

Как всегда.

В девять часов он сел в чёрный внедорожник с тонированными стёклами. Водитель молча тронулся с места. На заднем сиденье — папка с документами. В кармане пиджака — таблетки от мигрени.

Машина выехала с бульвара Головнина, миновала шлагбаум, нырнула в тоннель под мостом. Справа остались башни «Башни Элемент» — архитектурный жест, заметный в панораме города. Они выросли там, где когда-то плескалась вода: сначала отсыпали землю, затем закрепили сваи, этаж за этажом возвели стены. Башни стояли, сильные и строгие, — но в душе создателя всё равно оставалась лёгкая пустота, словно эти пространства ждали, чтобы их наполнили жизнью, теплом, человеческими историями.

Он достал телефон. Открыл галерею.

Туда он не заходил пять лет. Там лежали фотографии, которые он так и не удалил.

Первая: Максим в роддоме. Смешной, сморщенный, с кулачком у рта.

Вторая: Анна с ним на руках, усталая, счастливая, без макияжа, с растрёпанными волосами. Самая красивая в его жизни.

Третья: они втроем на даче. Максиму три года, он сидит на плечах у отца и тянется к яблоку. Анна снизу подстраховывает, смеётся.

Это был последний раз, когда он был счастлив. Он тогда не знал. Думал, так будет всегда.

Он закрыл галерею. Убрал телефон.

Машина выехала на мост. Справа — старый Петербург: шпиль, купола, узкие улочки, где между домами можно протиснуться только пешком. Где пахнет кофе, краской и жизнью.

Где пахнет ею.

Интересно, она до сих пор хранит его рисунки? Интересно, рисует ли он меня? Или я для него уже просто человек, которого никогда не было?

Папа, который остался по ту сторону двери.

Который смотрел, как они уходят, и не побежал следом.

Который до сих пор не может поверить, что они ушли навсегда.

Он открыл глаза. За окном проплывали небоскрёбы.

Я так и не пришёл к вам, сын. Не потому что не хотел. Потому что не знал, как смотреть тебе в глаза после того, что сделал.

И до сих пор не знаю.

Водитель притормозил у светофора. Справа, на тротуаре, женщина в зелёном пальто вела за руку мальчика в синей куртке. Мальчик что-то рассказывал, размахивая руками. Женщина смеялась.

Не они. Просто похожи.

Светофор загорелся зелёным. Машина тронулась.

Артём отвернулся к окну.

И никогда уже не будут.

В офисе его ждала папка с пометкой «Лично». Внутри — свежий отчёт детектива. Анна. Максим. Бюро «Формат». Дмитрий Соколов.

Он пролистал страницы. Фотографии. Анна у входа в студию, Анна с эскизами в руках, Анна и Соколов в кафе, склонившиеся над столом. Её рука на спинке его стула. Со стороны — почти интимно.

Артём смотрел на это фото долго. Очень долго.

Потом закрыл папку. Убрал в сейф.

Я обещал себе, что перестану. После той ночи, когда понял, что стал похож на отца — следить, контролировать, не отпускать.

Но я не перестал. Я просто стал лучше прятать.

Потому что если я перестану следить, это будет точкой невозврата. Анна исчезнет навсегда — не просто уйдёт, а сотрётся из всех записей, из всех снимков. Её присутствие в моей жизни аннулируется: ни отчётов, ни фотографий, ни отголосков. Она станет окончательно чужой — бесповоротно, необратимо, окончательно.

А я не готов. Даже через пять лет — не готов.

Он нажал кнопку интеркома.

— Игорь, кофе. Чёрный. Без сахара.

— Без молока? — уточнил помощник.

— Без всего.

Как и вся моя жизнь.

Глава 3

За день до того, как всё изменилось

Кофейня «Тихий двор» пряталась во втором дворе от улицы Профессора Попова — за аркой с облупившейся краской, за старой липой, чьи ветви касались окон второго этажа. Здесь не было вывески. Только медная табличка у двери с гравировкой: «Вход для тех, кто знает». Анна знала. Юля знала. Света знала. Больше никому не рассказывали.

Потому что настоящие убежища не рекламируют.

Интерьер не менялся пять лет. Низкие потолки с деревянными балками, стены из красного кирпича, старые карты Петербурга в потускневших рамах. Карта 1903 года — та, где ещё нет трамвайных линий. Карта 1924-го — Ленинград, переименованный и растерянный. Карта блокадного города — линии фронта, врезанные в бумагу карандашом, который дрожал.

Город умеет хранить память. В отличие от людей.

Запах здесь был густым, осязаемым — кофе, корица, старые книги из стеллажа у окна. Кожаные переплёты пахли временем, ванилью и чьими-то забытыми жизнями. Иван, хозяин, бывший библиотекарь, протирает чашки с той же тщательностью, с какой когда-то расставлял каталожные карточки. Он помнил заказ каждой из них.

— Кофе с бергамотом, — сказал он, не дожидаясь вопро-

са, когда Анна вошла. — Юля уже здесь. Света через пять минут — задержал сын.

Анна кивнула. Прошла к их столику у окна.

Круглый дубовый столик на четверых. Царапины от чашек — как годовые кольца. Пятно от красного вина — день рождения Юли три года назад. След от свечи — тот самый вечер, когда Анна впервые сказала: «Кажется, я начинаю дышать».

Сегодня она не дышала.

Юля сидела, обхватив ладонями кружку, и смотрела в окно. Изумрудный свитер крупной вязки, волосы стянуты в небрежный пучок, на виске — тонкая серебряная серёжка-кольцо, которую она нервно теребила, когда думала, что никто не видит. Тридцать восемь лет, владелица PR-агентства с репутацией акулы и привычкой курить электронные сигареты со вкусом ментола. Она не спала уже двое суток — Анна видела это по теням под глазами, которые Юля даже не пыталась маскировать.

— Ну? — спросила Юля, не оборачиваясь. — Ты мне глаза не колупай. Говори.

Она всегда знала. Пятнадцать лет — с первой лекции по истории искусств, где они сели на задний ряд, потому что опоздали и больше некуда было. С тех пор сидели рядом всегда.

Анна села. Положила руки на стол — ладони вниз, пальцы слегка напряжены. Костяшки побелели.

— Вчера Макс упал, — сказала она.

Голос был ровным. Слишком ровным. Так говорят, когда боятся, что стоит повысить тон — и всё рассыплется.

— Стул опрокинулся, когда он доставал альбом с верхней полки. Ударился плечом об пол. Синяк уже желтеет.

Юля медленно повернулась. Её глаза — тёмно-карие, почти чёрные, с хищным, цепким блеском — впились в подругу. Она не спросила «какой синяк». Не спросила «болит?». Она спросила:

— И что с ним сейчас? Не то что с синяком. С ним.

Она видела суть. Всегда.

— Говорит, нормально, — Анна провела пальцем по краю чашки. Фарфор издал тонкий, жалобный звук. — Но последние недели он часто жаловался на боль между лопаток. «Спина тянет», говорил. Я списывала на рост. На то, что сутулится за уроками. На то, что он слишком быстро стал большим.

Пауза. Тишина в кофейне стала плотнее, осязаемее. Даже Иван за стойкой замер с чашкой в руке.

— А вчера после падения... он не мог встать с пола без помощи. Не из-за удара. Просто... ноги не слушались. Десять секунд. Может, пятнадцать. Потом всё прошло. Но он побледнел. И молчал потом полчаса.

Юля откинулась на спинку стула. Её пальцы — ухоженные, с коротким маникюром без лака — перестали теревить серьгу. Замерли на столе.

Она не стала утешать. Не стала говорить «пройдёт». Юля никогда не умела врать — даже из милосердия.

— Завтра к неврологу, — сказала она. Не предложение. Приказ. — Не к своему, не к районному. К тому, кого я знаю. Запишу сегодня. — Она уже доставала телефон. — И скажи честно: он ещё что-то скрывает? Спотыкается? Роняет вещи?

Она не спросила «ты уверена?». Потому что знала: Анна не пришла бы сюда без уверенности.

— Иногда роняет ложку, — тихо сказала Анна. — Говорит: «Мам, рука дрогнула». И вчера, когда собирал Lego Technic — знаешь, этот огромный, с мотором, который Дмитрий подарил на день рождения — он сидел на полу и потом не мог встать без рук. Сказал: «Мам, я просто устал». — Она подняла глаза на Юлю. В них не было слёз. Была голая, неприкрытая правда. — Но он не устал. Он испугался. Я видела.

В этот момент к столику подошла Света.

Тридцать семь лет. Высокая, стройная, с тёмными волосами, собранными в небрежный узел, из которого выбивалась прядь — она вечно торопилась и вечно поправляла причёску уже на месте. На висках — несколько светлых прядей от летнего солнца (в июле они с детьми жили на даче под Вырицей, она писала оттуда в чат: «Грядки меня убьют, но помидоры — божественны»). Бывший архитектор, сейчас дизайнер интерьеров на фрилансе. Мать двоих детей, которая знала цену

каждой детали в доме — включая человеческие отношения.

Её руки были спокойными. Движения — плавными, без лишней суеты. Но Анна видела: Света уже прочитала всё по их лицам.

— Что случилось? — спросила она тихо, садясь.

Не «что нового». Не «как дела». «Что случилось». Потому что случалось всегда.

Анна повторила. Сухо. По пунктам. Как отчёт. Как будто речь шла не о её сыне.

Падение. Боль в спине. Слабость в ногах. Роняет ложку. Не может встать.

Двенадцать лет. Семь килограммов Lego Technic. Испуганные глаза.

Света слушала. Не перебивала. Её пальцы коснулись края чашки — единственный признак внутреннего напряжения. Она умела держать удар. Все трое умели.

— Завтра к неврологу, — сказала Света, глядя на Анну без жалости, но с глубоким, почти материнским пониманием. — Я знаю хорошего — принимает в частной клинике на Садовой. Запишу через знакомую. — Она помолчала. — И Аня... не жди. Не надейся, что «пройдёт». Ты же знаешь: стены не трескаются сами. Сначала уходит грунтовка. Потом штукатурка. Потом уже видно, что держалось на честном слове.

Она всегда говорила метафорами. Архитектор. Мать. Женщина, которая видит, где дом начнёт рушиться, ещё до

того, как появится первая трещина.

Юля кивнула — резко, одобрительно. Она уже стучала по экрану, записывая, договариваясь, пробивая броню чужой секретарши своим напором и связями.

— А если что-то найдут... — начала Анна, и голос её дрогнул. Впервые за пять лет. Впервые с той ночи, когда она сказала Максиму: «Папа не придёт завтра».

Юля подняла голову от телефона. Посмотрела на неё. Не отводя взгляда.

— Если найдут, — сказала она чётко, чеканя каждое слово, — мы будем думать, что делать. Не ты. Мы. И потом не значит «у Артёма». Потом значит — у нас.

Она не произнесла его имени. Оно было лишним.

— Мы с тобой, — сказала Света, и её ладонь накрыла руку Анны. Тёплая. Спокойная. — Обе.

Мы с тобой.

Три женщины. Пятнадцать лет.

Первая лекция по истории искусств — Анна, Юля и Света сели на задний ряд, потому что опоздали и больше некуда было. С тех пор сидели рядом всегда.

Первый общий экзамен — зачётку по искусству Возрождения они пересдавали всем составом, потому что ночь перед экзаменом ушла не на Боттичелли, а на разборки Юли с очередным «временным мужиком». Преподаватель, старый искусствовед с моноклем, принял их коллективное покаяние и поставил «тройки» всей группе поддержки.

Первая свадьба — Анина. Юля и Света ловили букет у ЗАГСа на Английской набережной, запутались в фате, врезались в вазу с цветами и разбили её вдребезги. Анна смеялась, стоя на ступенях, белое платье развевалось на ветру, Артём смотрел на неё снизу вверх — тогда ещё не умел отводить взгляд.

Первая измена — и первая ночь, которую она не провела одна. Не у него. Не с ним. В квартире Юли, на диване, под старым пледом. Максим уснул в комнате, прижимая к груди синего медведя. А они втроём сидели на кухне, пили остывший чай и молчали. Света гладила Анну по руке. Юля комкала в пальцах бумажную салфетку. Никто не сказал «всё будет хорошо». Потому что никто не знал, будет ли.

На следующий день они встретились в этой кофейне. И с тех пор это место стало их убежищем. Пятнадцать лет. И ни одного раза не дали упасть.

Анна смотрела на их руки — одну, решительно сжимающую телефон, другую — тёплую, накрывшую её ладонь. И вдруг, впервые за этот час, ей стало легче дышать.

Не потому что проблема исчезла. Она никуда не делась — тяжёлая, липкая, невыносимая. А потому что её перестали нести в одиночку.

За окном кошки грелись на подоконниках. Дети гоняли голубей — те взлетали, садились обратно, не боясь. Старик сворачивал газету, складывал её в потрёпанный портфель. Обычное утро. Мирное. Настоящее.

Иван принёс третью чашку. Поставил перед Анной, не спрашивая. Как будто знал, что сегодня им всем понадобится больше тепла.

— Спасибо, — сказала Анна.

Он кивнул. Отошёл.

Вход для тех, кто знает.

Они знали.

Анна сделала глоток.

Кофе был горьким. Но внутри разливалось тепло.

— Завтра в десять, — сказала Юля, не отрываясь от телефона. — Я заеду за вами. Макс любит, когда я рассказываю ему байки про рекламщиков. Отвлечётся.

— Я встречу вас у клиники, — добавила Света. — Подожду в коридоре. Если врач захочет поговорить с тобой наедине, Макс побудет со мной. У меня в сумке есть новые наклейки с планетами — он просил.

Анна кивнула. Не сказала «спасибо». Не сказала «не надо». Просто кивнула.

Потому что это и есть дружба — не слова, не обещания, не клятвы.

А три чашки на столе и тихое «мы с тобой» между строк. Пятнадцать лет. И ни одного лишнего слова.

Она поставила чашку на царапину от красного вина — ровно в центр.

За окном голуби снова взлетели. Дети смеялись. Старик ушёл, оставив на скамейке утреннюю газету.

Анна смотрела, как ветер перелистывает страницы.

Завтра всё изменится.

Но сегодня — у меня есть сегодня.

И этот столик. И эти женщины. И этот горький, тёплый, живой кофе.

Она сделала ещё один глоток.

Пусть было. Пусть есть. Пусть будет.

Глава 4

Трещина в стекле

Частная клиника на Садовой улице не походила на больницу. Скорее — на дорогой отель: мраморные полы, тихая музыка, администраторы в костюмах без бейджей. Запах лимона и эвкалипта вместо антисептика.

У входа их уже ждали.

Юля сидела в кресле у окна, нервно теребя сережку-кольцо. Увидев Анну с Максимом, она вскочила, но не бросилась обнимать — только сжала её локоть коротко, сильно.

— Я здесь, — сказала она. Без лишних слов.

Света стояла чуть поодаль, сжимая в руках пакет. В пакете угадывалась коробка с соком и что-то шуршащее — наклейки с планетами.

— Макс, — позвала она тихо. — Смотри, что у меня есть. Тут и Млечный Путь, и туманность Андромеды. Мы с тобой потом освоим космос, хорошо?

Максим посмотрел на наклейки, потом на маму.

— Мы сейчас к врачу, — сказала Анна, обращаясь к подругам. — Вы подождёте нас здесь?

— Конечно, — ответила Света. — Мы никуда не денемся. Юля сжала её локоть ещё раз, на прощание, и отпустила.

— Иди. Мы рядом.

Анна взяла Максима за руку, и они вместе толкнули дверь

кабинета.

Кабинет оказался просторным, без лишней медицинской атрибутики. Книжные полки с томами по неврологии, большое окно с видом на внутренний двор, два кресла и низкий диван для осмотра. На стене — плакат с изображением спинного мозга.

Врач — высокий мужчина лет пятидесяти в белом халате без эмблем, только имя, вышитое чёрными нитками: А.В. Морозов — поднялся навстречу.

— Анна Смирнова? Максим? Проходите, садитесь. — Он указал на кресла.

Они сели. Анна — в кресло, Максим — на диван рядом.

— Рассказывайте, что случилось, — обратился врач к Анне, но при этом посмотрел на мальчика. — Максим, ты не против, если мама расскажет? А потом я тебя посмотрю.

Максим кивнул.

Анна рассказала. Сухо, по пунктам: падение со стула три дня назад, удар плечом об пол, невозможность встать в течение десяти-пятнадцати секунд, предшествующие жалобы на боль между лопаток, эпизоды с ронянием ложки.

Морозов слушал внимательно, изредка кивая. Иногда задавал уточняющие вопросы, обращаясь то к Анне, то к Максиму: когда именно начались боли, усиливаются ли они после нагрузки, в какой руке чаще дрожит.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Максим, раздевайся, пожалуйста, до пояса. Посмотрим твою спину.

Максим снял футболку с туманностью Андромеды, сел ровно. Врач подошёл, провёл пальцами вдоль позвоночника.

— Здесь больно?

Максим вздрогнул. Кивнул.

— А здесь?

Вздрагивание усилилось. Глаза расширились. Он сжал губы — чтобы не выдать звук боли.

Так сжимают губы, когда не хотят, чтобы мама плакала.

— Одевайся, — сказал Морозов. — А теперь пройдишь по кабинету на пятках.

Максим встал, сделал шаг, второй, третий — и споткнулся. Удержался за край стола. Побледнел.

— Сядь. Руки вытяни перед собой, ладони вверх.

Левая дрогнула. Едва заметно — но дрогнула.

Врач вернулся к столу, записал что-то в планшет. Потом поднял взгляд на Анну.

— Нужна МРТ спинного мозга. Желательно сегодня. В «Евро-Мед» на Фонтанке хороший томограф. Я позвоню, вас примут без очереди.

— Что вы думаете? — спросила Анна.

— До снимков ничего не могу сказать, — ответил Морозов. — Результаты МРТ покажут точную картину.

Анна кивнула. Максим оделся, и они вышли.

В коридоре их ждали Юля и Света.

— На МРТ, — коротко сказала Анна. — Сейчас.

— Я провожу, — сказала Юля. — Света, ты с нами?

— Да. Мы все вместе.

МРТ-кабинет в «Евро-Мед» напоминал космический корабль: узкая капсула, гул, голос из динамика: «Не двигайтесь. Ещё тридцать секунд».

Максим лежал неподвижно, закрыв глаза. Ему было страшно, но он не подавал вида. Мама и так переживает. Анна сидела в коридоре рядом с Юлей и Светой.

— Он сильный, — тихо сказала Юля.

— Знаю.

— И ты сильная.

Анна не ответила.

Цифры над дверью сменяли друг друга: 04:17... 04:18... 04:19...

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила Анна. — Всё равно что.

Юля помолчала, потом начала:

— У меня вчера клиент был — владелец сети ресторанов. Требовал, чтобы мы придумали слоган из одного слова. Я предложила «Вкусно». Он обиделся. Сказал, слишком банально. Я спросила: «А что не банально? „Гастрономический оргазм“?» Он задумался. Сказал, подумает.

Анна улыбнулась. Коротко, одними уголками губ.

— Спасибо.

— За что? Я просто треплюсь.

— За то, что треплешься.

04:32. Дверь открылась. Максим вышел сам — бледный,

но держался ровно.

Анна шагнула к нему, взяла за плечи, вгляделась в лицо:

— Как ты, родной?

— Нормально, — Максим пожал плечами. — Только шумно очень. Стучит, гудит, как будто внутри отбойный молоток работает. Ритмично так: тук-тук-тук... Жутковато, но терпимо.

Анна прижала его к себе, на секунду закрыв глаза.

— Ты молодец, — сказала она.

— Я знаю, — буркнул он в её плечо, но руку не убрал.

Они вернулись в клинику на Садовой. В коридоре Анна оставила Максима с подругами, а сама вошла в кабинет за результатами.

Морозов уже ждал. На столе лежал планшет с открытым снимком.

— Интрамедуллярная пилоцитарная астроцитома. Первый грейд. Локализация — шейно-грудной отдел, уровень Th4.

Анна молчала.

— Доброкачественная опухоль. Растёт медленно, но она находится внутри вещества спинного мозга. Сдавливает проводящие пути. После падения возник отёк — поэтому симптомы проявились остро.

Он повернул планшет. На экране — позвоночник, в центре — светлое пятно размером с горошину.

— Пятнадцать миллиметров. Пока небольшая. Но если

продолжит расти...

— Что будет? — голос Анны не дрогнул.

— Слабость в ногах усилится. Потом — руки. Потом — нарушение функций тазовых органов. Через полгода-год — высокий риск необратимого паралича.

Тишина. Только тиканье часов на стене.

В голове Анны — ни одной мысли. Только цифры: 15 миллиметров, 12 лет. Всё смешалось в один ком, который нельзя проглотить.

— Лечение?

— Операция. Микрохирургическое удаление. В России делают — в Бурденко, в НИИ нейрохирургии. Но риск осложнений выше: из-за локализации велика вероятность повреждения проводящих путей. В Германии — клиника Гейдельберга, университетская клиника Мюнхена — есть уникальный опыт. Интраоперационный нейромониторинг позволяет удалять опухоль с минимальным риском.

— Сколько времени?

— Операция четыре-шесть часов. Реабилитация две-три недели в клинике. Потом амбулаторно.

— Сколько стоит?

— От двухсот до двухсот пятидесяти тысяч евро. Всё включено.

От двухсот до двухсот пятидесяти тысяч... — цифра повисла в воздухе, не уместаясь в голове.

— Спасибо, доктор.

Она вышла. В коридоре её ждали трое: Максим, Юля, Света.

— Ну? — спросила Юля, вглядываясь в лицо.

— Опухоль. Доброкачественная. Нужна операция в Германии. От двухсот до двухсот пятидесяти тысяч евро.

Света охнула и прижала ладонь ко рту. Юля молчала.

Максим подошёл к матери, взял её за руку. Он слышал эту цифру, но она для него была абстрактной.

— Мам, а у нас есть столько? — спросил он тихо. — Мы сможем?

Анна сжала его пальцы.

— Найдём, — сказала она, но в голосе не было уверенности. — Обязательно найдём.

Дома Максим ушёл в свою комнату. Через минуту заиграла музыка — громкая, резкая, отгораживающая.

Юля и Света зашли на кухню. Анна села за стол, уставившись в одну точку.

— Ты как? — спросила Света, ставя чайник.

— Я думаю.

— О чём?

— О том, у кого есть такие деньги.

Юля села напротив.

— Только не говори, что пойдёшь к нему.

— А к кому ещё?

— Мы что-нибудь придумаем. Кредит, фонды, сборы...

— Юль, это сотни тысяч евро. Не двести рублей. Мне нуж-

но, чтобы Максим полетел в Германию через месяц, не через год.

Юля замолчала.

— Я не хочу, чтобы ты... — начала Света, но не договорила.

— Я знаю, — сказала Анна. — Я тоже не хочу.

Она посмотрела на холодильник. На рисунок Максима. На букву «П» в углу.

— Но выбора нет.

Юля встала, подошла к окну. Света налила чай, поставила чашку перед Анной.

— Мы с тобой, — сказала она тихо. — Что бы ты ни решила.

— Я знаю.

Подруги помолчали ещё немного. Потом Юля взглянула на часы.

— Нам, наверное, пора, — сказала она. — Если хочешь побыть одна.

— Да, — кивнула Анна. — Спасибо вам. За всё.

— Звони в любое время, — сказала Света, обнимая её на прощание. — Мы рядом.

Когда дверь за ними закрылась, в квартире стало совсем тихо. Только глухие ритмы из-за двери Максима.

Анна осталась одна.

Она сидела за кухонным столом, сжимая в руках телефон. Пальцы сами открыли контакты, прокрутили вниз, к букве

«Г».

Артём.

Палец завис над экраном.

Такая сумма для него — что вечер в ресторане с партнёрами: потратил и забыл.

А для меня — пять лет тишины. Пять лет гордости. Пять лет «я сама».

Она смотрела на буквы на экране.

А. Р. Т. Ё. М.

Папа, который смотрел, как мы уходили, и не побежал следом.

И до сих пор не пришёл.

Но сейчас не о нём. Сейчас о Максиме.

За окном стемнело. Петербургский октябрьский вечер опустился на город — тихий, влажный, безжалостный.

Анна не нажала «вызов».

Но и не убрала телефон.

Она сидела в тишине, сжимая в руках холодный прямоугольник пластика, и смотрела на букву «П» на холодильнике.

Буква «П» на рисунке Максима. Пропажа. Падение. Побег. Папа, который не пришёл. И который теперь — единственный шанс.

Пятнадцать миллиметров опухоли. Двенадцать лет его жизни. Пять лет тишины — с того самого октябрьского дня, когда она открыла дверь в ванную.

Сколько ещё нужно, чтобы переступить через собственную гордость?

Она не знала ответа.

Но знала, что снова откроет этот контакт.

И, может быть, в этот раз нажмёт.

Глава 5

Звонок

Пять лет тишины. Шестьдесят секунд разговора.

Десять вечера. Петербургский октябрь стелил туман над крышами Петроградской стороны, превращая фонари в размытые пятна света. В квартире на Профессора Попова было тихо. Максим спал — наушники сняты, телефон положен на тумбочку экраном вниз, будто он сам решил отгородиться от мира на несколько часов.

Анна сидела на кухне. Перед ней остывал чай в кружке с синим космонавтом — его кружка. Она пила из неё, когда нужно было почувствовать связь с сыном. Или когда просто не хватало сил быть одной.

Телефон лежал на столе. Экран тёмный. Но в памяти — имя, вынесенное из контактов пять лет назад и сохранённое где-то в глубине, в папке «Прочее», как старый черновик, который жалко удалить, но открывать не хочется.

Артём Громов.

Она закрыла глаза. Не лицо — лица она старалась не вспоминать. Ощущения.

Последний раз, когда он взял её за руку, был за несколько недель до того, как всё рухнуло. Брак уже трещал по швам — она чувствовала это каждой клеткой, но пыталась достучаться, поговорить, понять. В тот вечер она сидела на кухне

и плакала — не истерично, а тихо, устало, как плачут, когда больше нет сил притворяться, что всё нормально. Он вошёл, подошёл, сжал её пальцы. Она на секунду поверила — сейчас он скажет что-то важное, обнимет, объяснит. Но его ладонь была холодной. И он сказал: «Хватит. Я устал от твоих слёз». Не грубо, не зло. Устало. Как будто она была надоевшей пластинкой, которую хочется выключить.

Но тогда я ещё надеялась, что это пройдёт. Что он вернётся.

Он уже тогда был далеко. Просто тело ещё оставалось в доме.

А потом начались ночи. Звук ключа в замке в третьем часу — он приходил, когда она уже спала. И уходил до рассвета, чтобы не встречаться с ней утром. Она думала: работа, аврал, проекты. Но теперь понимала — он просто не хотел видеть её лицо за завтраком. Не хотел делать вид, что всё нормально. Убегал из дома, как убегают с места преступления.

Он прятался. От меня. От себя. От правды, которую мы оба уже знали.

И главное — его взгляд в тот день, когда она уходила.

Это было седьмое октября. Она стояла в прихожей их квартиры в башне TITAN жилого комплекса «Башни Элемент» на бульваре Головнина — той самой, где они прожили восемь лет и где он остался после развода. В одной руке — коробка пирожных, которую секунду назад забрала у сына. В другой — ладонь Максима. Синий медведь с заплаткой на

ухе уже лежал в его рюкзаке. За её спиной, на полу, остались красные туфли на высоких каблуках — чужие, вызывающие. Её жизнь, её дом, её восьмилетний брак — всё это в одно мгновение превратилось в чужую декорацию.

Она не сказала ни слова. Просто взяла сына за руку, развернулась и пошла к выходу. И только когда рука уже легла на дверную ручку, она обернулась. Чтобы увидеть его лицо в последний раз.

В его глазах не было боли. Не было злости. Не было попытки её остановить. Там было облегчение.

Чистое, почти детское облегчение человека, которого наконец-то отпустили. Он не сказал «прости». Не сделал ни шага. Просто стоял и смотрел, как она уходит. И в этом взгляде было всё: «Спасибо, что избавила меня от необходимости притворяться дальше».

Она закрыла дверь. И больше никогда в неё не вошла.

Пять лет.

Пять лет она строила себя заново. Каждый день — кирпичик: новая квартира с высокими потолками и трещиной в паркете, новая профессия с запахом гуаши и акварели, новый круг — Юля с её острым языком, Света с материнской мудростью, Дмитрий с тихой надёжностью.

Мир без него.

Мир, где она — не жена Громова, а Анна Смирнова. Дизайнер. Мать. Человек, который научился засыпать в тишине.

И вот теперь — этот звонок.

Одно движение пальца — и она снова станет той женщиной. Бывшей. Просившей. С протянутой рукой.

Нет, — поправила она себя. — Матерью, которая делает то, что должна.

Она открыла глаза. Посмотрела на холодильник. На магниты с высохшими цветами, на записку «Хлеб!!!» почерком Максима, на рисунок «Моя семья» с огромной Анной, маленьким сыном и крошечной фигуркой в самом углу.

Буква «П».

Пятнадцать миллиметров в позвоночнике. Двенадцать лет его жизни. Пять лет тишины. Пять лет без слов, без звонков, без случайных встреч. Только эхо собственных мыслей да часы, отсчитывающие дни.

Ради Максима.

Палец коснулся экрана. Нашёл имя. Замер на секунду — и нажал.

Гудок. Один.

Он не возьмёт, — мелькнуло в голове. — Поздно. Занят. У него новая жизнь.

Два.

Или возьмёт и скажет: «Это не мои проблемы».

Три.

— Алло.

Голос. Низкий, сдержанный тембр — тот самый, что когда-то шептал ей на ухо, а потом отдавал распоряжения по

громкой связи, не снижая тона. Но сейчас — без эмоций. Как к незнакомцу, который ошибся номером.

Он тоже боится. Или делает вид.

— Артём, — сказала она.

Одно слово. Без «привет». Без «как ты». Просто имя. Как пароль. Как пропуск в прошлое, о котором оба хотели забыть.

Тишина на другом конце. Дольше секунды. Потом:

— Анна.

Он не спросил «почему звонишь». Не спросил «что случилось». Он знал: она не позвонила бы без причины. Пять лет молчания научили их обоих одному — к словам возвращаются только ради правды. Или ради беды.

— У Максима опухоль спинного мозга, — сказала она.

Ровно. Чётко. Как отчитывалась перед врачом. Как будто речь шла о чужом ребёнке.

— Интрамедуллярная пилоцитарная астроцитома. Шейно-грудной отдел. Пятнадцать миллиметров.

Она слышала его дыхание. Ровное. Но чуть глубже обычного.

— Операция нужна?

— Да. В Германии. Лучшие клиники — Гейдельберг или Мюнхен. Точную стоимость скажут после консультации, но ориентир — от двухсот до двухсот пятидесяти тысяч евро.

Опять тишина.

Она ждала. Ждала вопроса «почему я?». Ждала колкости

«ты же справишься сама». Ждала отказа, завернутого в вежливое «я подумаю».

— Когда? — спросил он.

Она не поняла.

— Что?

— Когда операция? Нужны деньги сейчас или после консультации?

Он не торгуется. Не спрашивает, почему именно он. Просто — когда.

— Сначала консультация. Я узнавала — свободные окна через неделю. После консультации назначат дату операции и выставят счёт.

— Запиши его. Как только будут реквизиты — я переведу. Не тяни.

Она молчала.

Так просто? Пять лет тишины — и вот так просто?

— Артём...

— Анна, — перебил он.

Впервые за разговор — чуть мягче. Совсем чуть-чуть. Настолько, что она не была уверена, не показалось ли.

— Я отец. Это не обсуждается.

Отец.

Слово упало в тишину кухни и осталось там лежать — тяжёлое, неудобное, непривычное. За пять лет он ни разу не назвал себя так. Даже в документах, даже в редких разговорах с юристами — «мой сын», но безличное. Формальное.

А сейчас — «я отец». Как факт. Как данность. Как то, что не требует доказательств.

И в этих словах не было тепла. Не было раскаяния. Была фактура. Как в его мире: если актив требует защиты — защищают. Без эмоций. Без обсуждений.

Максим — не актив, — захотелось крикнуть ей. — Он живой. Он твой сын. Ты должен его знать.

Но она молчала. Потому что знала: сейчас не время для претензий. Сейчас время — спасать.

— Спасибо, — сказала она.

Трудное слово. Оно царапало горло, выходило с хрипом. Но она его сказала.

— Я хочу посмотреть снимки, — сказал он. — Поговорить с врачом.

— Завтра, — ответила она. — В твоём кабинете. В четыре часа. Я приду одна. Принесу все документы.

Пауза. Он понял: без Максима. Пока.

— Хорошо.

Он не сказал «до завтра». Не сказал «береги себя». Просто положил трубку. Тихо. Без хлопка.

Анна убрала телефон.

Руки не дрожали. Сердце билось ровно. Но внутри — пустота. Не боль. Не облегчение. Просто пустота, как после землетрясения: дом устоял, но трещины пошли по всем стенам.

Она встала. Подошла к окну.

Туман над Петербургом густел, поглощая огни. Где-то там, на бульваре Головнина, в башне ТИТАН, на том же двенадцатом этаже, он сейчас сидит и смотрит в тот же туман. И думает о том же.

Пять лет. И вот оно — возвращение.

Не любви. Не семьи. А просто реальности: есть ребёнок. Есть болезнь. Есть сумма, которую он может перевести одним нажатием.

И есть мы — те, кто должен это пережить.

Она не плакала. Не злилась. Просто стояла, глядя, как туман затягивает город.

Завтра нужно быть собранной. Завтра разговор. Документы. Планы. А сегодня — спать. Чтобы хватило сил.

Она отошла от окна. Выключила свет на кухне. Прошла в спальню. Легла.

Долго смотрела в потолок, слушая дыхание сына за стеной. Тихое, ровное. Живое.

Она закрыла глаза. Завтра она войдёт в его мир.

Завтра. Четыре часа. Его кабинет.

Пусть было. Пусть есть. Пусть будет.

Просто факт. Как дождь за окном. Как утро, которое придёт независимо от того, готова она или нет.

Глава 6

Кабинет с видом на империю.

Четыре часа дня. Бизнес-центр «Невская башня», 28 этаж.

Петербургский туман к этому времени рассеялся, оставив после себя серую, влажную дымку над Невой. Анна вышла из такси у подножия стеклянного небоскрёба — тридцатидвухэтажного монолита, который торчал из исторической застройки Васильевского острова как чужеродный объект. Слишком высокий, слишком прямой, слишком чужой. Как сам Артём.

Она подняла голову, глядя на верхние этажи, уходящие в облака. Двадцать восьмой. Где-то там, за тонированными стёклами, он ждал её. Пять лет она не переступала порог его территорий. Пять лет строила свою жизнь заново. И вот теперь возвращается — не как жена, не как просительница, а как мать, у которой нет выбора.

Вестибюль встретил её стерильной чистотой: чёрный мрамор пола отражал свет точечных светильников, стены из белого травертина напоминали мавзолей. Ни единого пятнышка, ни одной случайной тени. На стойке ресепшн — девушка в строгом костюме без единой складки. За её спиной — логотип компании «Громов Девелопмент»: стилизованная буква «Г» в форме строительного крана.

— Анна Смирнова. На встречу к Артёму Сергеевичу.

Девушка кивнула, не улыбнулась, набрала номер внутреннего телефона. Послушала. Кивнула снова.

— Вас проводят. Двадцать восьмой этаж.

Лифт поднимался беззвучно. Цифры над дверью мелькали: 10... 20... 25... Анна смотрела на своё отражение в зеркальных стенах — и не узнавала себя. Тёмно-синее платье-футляр, строгий пиджак без украшений, волосы собраны в низкий узел. Её «броня». Но в глазах — трещина. Маленькая, почти незаметная. Только она знала, что за ней — пропасть, куда она боится заглянуть.

Держись. Ради Максима. Ты можешь всё, что угодно, кроме слабости.

Двери лифта открылись. Коридор с ковровым покрытием цвета топлёного молока. Два кабинета. На одном — табличка «А.В. Громов. Генеральный директор». На другом — «Конференц-зал».

Кабинет занимал весь угол здания. Две стены — сплошное панорамное остекление от пола до потолка. Вид открывался на Неву, Васильевский остров и лес строительных кранов на противоположном берегу — его растущую империю. Вода была серой, небо — свинцовым, краны — чёрными силуэтами, упирающимися в тучи.

Всё остальное в кабинете говорило о контроле. Стол из чёрного мрамора без единого документа. Кожаное кресло для него. Для гостей — два мягких стула из светлого ду-

ба, стоящих чуть ниже. Книжные полки за стеклом — тома в одинаковых переплётках, расставленные по цвету корешков. Никаких личных вещей. Ни одной фотографии. Только власть в чистом виде.

Артём стоял у окна. Спиной к ней. Высокий, стройный, в безупречном сером костюме без галстука. Он не обернулся, когда она вошла. Просто сказал:

— Садись.

Анна не села. Остановилась в трёх шагах от двери.

— Я привезла документы.

Он повернулся. Его лицо мало изменилось за пять лет: те же чёткие скулы, та же линия подбородка, те же серые глаза, в которых не было ни тепла, ни холода — только расчёт. Но в висках пробивалась седина. И под глазами — тени, которые не скрыть кремом.

— Садись, Анна, — повторил он. Тише.

Она подошла к столу, села на один из стульев. Положила на мраморную поверхность папку. Раскрыла. Вынула медицинскую выписку с печатями, снимки МРТ в прозрачных конвертах, распечатку профиля профессора Шульца из клиники Гейдельберга.

— Интрамедуллярная пилоцитарная астроцитома, — сказала она, не глядя на него. — Шейно-грудной отдел, уровень Th4. Пятнадцать миллиметров. Доброкачественная, но растёт. Сдавливает спинной мозг. После падения возник отёк — из-за него симптомы проявились так остро. Если бы не

падение, могли бы не заметить ещё полгода-год.

Он брал документы по одному. Листал. Смотрел на снимки, поднося к свету окна. Его пальцы — длинные, с коротко остриженными ногтями — двигались без спешки. Но когда он взял снимок, Анна заметила: его рука замерла на секунду дольше, чем нужно. Он смотрел на светлое пятно, затаившееся в позвоночнике их сына.

— Пятнадцать миллиметров, — повторил он. Голос был ровным, но Анна уловила в нём металлическую нотку. — Ориентир по стоимости?

— От двухсот до двухсот пятидесяти тысяч. Окончательную сумму скажут после консультации. Консультация онлайн назначена на следующую неделю. Потом, если профессор подтвердит диагноз, нужно будет ехать.

Он кивнул. Положил снимки обратно в конверт. Аккуратно.

— Гейдельберг, — произнёс он, изучая распечатку. — Профессор Шульц. Хороший выбор. Я позвоню сегодня. У меня есть партнёры в Германии, они помогут ускорить. Как только выставят счёт — оплачу.

— Спасибо, — сказала она.

Она закрыла папку и встала.

— Я пойду.

— Анна.

Она остановилась, но не обернулась.

— Как он? — тихо спросил Артём. — Не цифры из мед-

карты, а твоё живое впечатление.

Она медленно повернулась. Посмотрела на него. Вспомнила взгляд, с которым он провожал её пять лет назад. Вспомнила облегчение в его глазах.

— Он держится, — сказала она. — Сильнее, чем я думала.

— Анна...

— Не надо, Артём. — Она подняла руку, останавливая его. — Я здесь не для того, чтобы обсуждать прошлое. Ты поможешь с лечением — и на этом наше общение закончится. Максим сам решит, хочет ли он тебя видеть. Если захочет — я не буду мешать. Если нет — ты примешь это. Договорились?

Он молчал. Потом кивнул.

— Договорились.

Она пошла к двери. Не оглядываясь.

В конференц-зале напротив было тихо. Кира стояла у приоткрытой двери, почти не дыша. Она не работала здесь — у неё свой бутик на набережной. Но сегодня заехала в офис — просто так, может, Артёма искала, может, просто крутилась поблизости. А когда услышала шаги в коридоре, машинально приоткрыла дверь — и увидела её.

Анна выходила из кабинета Артёма. Спокойная, собранная, с папкой в руках. В прозрачном файле угадывались чёрно-белые снимки — медицинские МРТ, такие Кира уже видела однажды, когда Лёня болел. Анна прошла мимо, даже не взглянув в сторону приоткрытой двери. Она смотрела

прямо перед собой — уставшая, но с ясным взглядом человека, который только что решил что-то очень важное.

Кира замерла, провожая её взглядом. Вот и вся «встреча»: одна вышла, другая наблюдала. Анна даже не заметила, что за ней следят.

Анна шла по коридору к лифту. Ноги были ватными, сердце колотилось где-то в горле. Она сжимала в руках папку с документами — единственное, что имело значение.

Лифт открылся. Она вошла. Двери закрылись.

Цифры поползли вниз: 28... 25... 20...

Анна прислонилась спиной к холодной стене. Закрыла глаза.

Я сделала это. Я вошла в его мир и вышла живой.

Лифт мягко коснулся земли. Двери открылись. В холле её ждала Юлия — в чёрной кожаной куртке, с неизменной электронной сигаретой в руке. Они договаривались встретиться здесь, чтобы Анна не возвращалась одна после такого разговора.

Юля шагнула навстречу, вглядываясь в лицо подруги.

— Ну как? — спросила она.

— Нормально, — ответила Анна. — Консультация на следующей неделе. Деньги будут.

Юля взяла её за руку. Холодную, чуть дрожащую.

— А ты как?

Анна посмотрела на неё. Улыбнулась коротко, почти незаметно.

— Я — жива, Юль. А это главное.

Они вышли на улицу. Туман над Невой рассеялся, и в про-светах облаков проглядывало бледное октябрьское солнце. Холодное. Но оно светило.

— Поехали, — сказала Юля. — Света звонила, напекла пирогов. Макс у неё, смотрит с Катей мультики.

— Поехали.

Машина тронулась, увозя её от стеклянной башни, от прошлого, от всего, что осталось за спиной.

Впереди была только борьба. И надежда.

В пентхаусе на бульваре Головнина было тихо. Кира во-шла, бесшумно закрыла дверь, повесила пальто. Артём ещё не вернулся — его задержали дела в офисе. Она достала из тайного отделения шкафа маленький телефон — второй, о котором никто не знал. Пальцы быстро набрали сообщение:

«Она была у него. Выходила с медицинскими снимками — чьи, пока не знаю, но постараюсь выяснить. Выглядела спокойной — похоже, о чём-то договорились. Как только узнаю подробности, сразу отчитаюсь. Буду держать в курсе».

Она проверила номер — длинный, обычный, но сохранён-ный без имени, просто как набор цифр. Нажала «отправить». Через минуту телефон коротко пискнул: доставлено. Кира стёрла сообщение из исходящих, спрятала телефон обратно в тайник и закрыл шкаф.

Война продолжалась. Но теперь у неё было оружие.

Глава 7

Звонок из ниоткуда

Башня ТИТАН. Девятнадцатый этаж. Вечер.

Вечер опустился на пентхаус тяжело, как гранитная плита. Кира стояла у окна в гостиной, глядя на огни Петербурга внизу — на старый город с его шпилями и куполами, на узкие улочки Петроградской стороны, где жила та женщина.

В голове крутились обрывки сегодняшнего дня: Анна, вышедшая из кабинета Артёма, спокойная, с медицинскими снимками в руках. Она даже не взглянула в сторону открытой двери конференц-зала, не заметила Киру. Просто прошла мимо — как будто та была пустым местом.

Кира сжала пальцы в кулак.

Пять лет она строила свою жизнь рядом с ним. Пять лет была идеальной: никогда не устраивала сцен, не лезла в его дела, не требовала больше, чем он готов был дать. А эта женщина появилась один раз — и всё пошло прахом.

Она видела его состояние своими глазами. Через час после ухода Анны Кира зашла в кабинет Артёма — под предлогом, что хотела спросить про ужин. Он сидел за столом, но не работал. Смотрел в одну точку, и в его взгляде было что-то, чего Кира не видела никогда: растерянность. Этот взгляд не предназначался ей — он был обращён куда-то внутрь, в прошлое, от которого она так старательно его отгораживала.

Она вспомнила утро. Как он смотрел на неё, когда она вышла в столовую в новом халате. Тогда в его глазах была пустота — он смотрел и не видел. А сейчас, в кабинете, она поняла: он вообще перестал её замечать. Мыслями он был там, с той женщиной.

— Я не позволю ей разрушить то, что я строила, — прошептала Кира в темноту.

Она отошла от окна, прошла в спальню, открыла шкаф. Там, в глубине, за коробками с обувью, лежал тот самый второй телефон. Она достала его, включила. Ни одного сообщения. Куратор молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.